

М. О. Меньшиков

ЗАМКНУТОЕ ГОСУДАРСТВО

Если бы яркая звезда, горящая теперь по вечерам на юге, вдруг исчезла из солнечной системы, произошло бы бурное расстройство. Планеты передвинулись бы в своих орбитах, изменились бы климаты и вся природа. Если бы великая держава, играющая роль Юпитера, вышла совсем из семьи народов, произошло бы потрясение, которое могло бы дать истории разных стран совсем другие пути. Нечто подобное замышляется в Европе. В одной из столиц заседает конференция министров, решающая проект мирового значения. Речь идет о том, чтобы вывести из общения с человечеством ни более ни менее как "четверть земного шара" и составить совершенно отдельный замкнутый мир, независимый, неприступный, как Луна, имеющая с Землею только общее тяготение.

Вы догадываетесь, что я говорю об Англии, о заседающей в Лондоне конференции первых министров британских колоний. Вместе с г. Чемберленом они разрабатывают вопрос об образовании всебританской федерации, об устройстве огромной империи из хаоса подвластных Англии неизмеримых земель. Последняя "победоносная" война, где потребовалось более двух с половиною лет, чтобы принудить к сомнительному миру в четыреста раз слабейшего врага, принята Англией как серьезный урок. Для всего света выяснилась сравнительная слабость Англии, ее несорганизованность для больших войн, ее нравственное одиночество в семье народов, ее одиночество даже среди собственных колоний: последние оказали ей немногим более поддержки, чем враги. Счастье Англии, что никто не вмешался в ее войну, -- это было бы, может быть, сигналом к крушению плохо связанной британской системы. Англичане, по-видимому, ясно поняли опасность и спешат предупредить новую. Вырабатывается как бы великодержавная конституция с целью скрепить разрозненные части. Вопрос так стоит, что или Англия должна отказаться от ее гордой роли в мировой политике, или доказать действительное, не бумажное обладание четвертью земного шара и четырьмястами миллионов подданных. В этом направлении идет теперь кипучая работа. Под предлогом коронования Эдуарда VII предпринято как бы коронование самой Англии среди заокеанских ее земель. До сих пор плохо признаваемая метрополия чувствует необходимость возложить на себя царственные знаки и взять наконец вместо весов и аршина -- скипетр над выросшими под ее щитом полусвободными народностями.

Осуществима ли эта широкая затея? В русской печати преобладают отрицательные предсказания. Принято думать, что английские колонии горят духом независимости, что они ненавидят Англию, что им недостает только немножко зрелости, чтобы отпасть от нее. Я этого мнения не разделяю. Чемберлен не собрал бы колониальных министров, если бы не верил, что успех федерации возможен. Колонии, конечно, могут долго торговаться с

Англией -- и они, и она -- старой купеческой крови, -- но едва ли разойдутся без серьезной сделки. Как ни дорога культурным народам их независимость, именно ради ее спасения они готовы пожертвовать некоторыми ее правами. Вспомните, что мы живем в век объединения национальностей, в век крушения маленьких государств для образования больших. Вспомните, с каким восторгом независимые государства Италии или Германии отказались от своей отдельности, когда речь зашла о "едином" отечестве. В Италии нет уездного города, где бы не было статуи Гарибальди и Виктору-Эммануилу; Саксония, Вюртемберг, Ганновер, Баден, Гессен, даже Бавария, даже "свободные города" покрыты монументами Вильгельму I и Бисмарку. Очень трудно понять, что собственно выиграли от объединения маленькие державы, но таков дух времени, такова мода, подобно инфлуэнце, обошедшая земной шар. Централизм, империализм -- вот общий лозунг, сменивший страстную мечту "объединения". Даже крохотная Швейцария, откуда я пишу эти строки, -- даже эта идиллическая страна, самый древний оплот свободы -- и она теперь бредит централизацией, даже она "рассудку вопреки, наперекор стихиям" подавляет кантональную автономию и заводит единое "сильное" правительство. Даже Соединенные Штаты увлечены империализмом и сосредоточением власти в руках конгресса. Если хотите знать, куда направляется кортеж народов, взгляните на форейтора. Теперешний фореитор нашей цивилизации -- Япония -- мечтает быть если не всемонгольской, то, по крайней мере, тихоокеанской империей. Недавний раздел земли, происшедший без шума, начинает внушать даже неподвижным народам -- вроде Германии, Франции, Италии -- настроение, соответствующее широте захвата: и эти державы втягиваются в захваченную ими пустоту и мечтают об экзотических империях. Быть возможно более обширными, сосредоточенными, сильными -- вот идеал, в жертву которому приносятся братство народов и собственная свобода. Что же удивительного, если и "страны английского языка", разбросанные как никто, заражены духом объединения и империализмом?

Подобно тому, как не Пьемонт объединил Италию, а сами итальянские республики и королевства потянулись к Пьемонту, так и здесь: Англии, мне кажется, не придется даже и хлопотать о федерации, -- она сама сложится. Если Англия немыслима без колоний, то и они без нее -- ничтожны. Федерация расширяет какую-нибудь крохотную Новую Зеландию до размеров "четверти земного шара" -- аргумент не только мечтательный, но имеющий выгоду всякой кооперации. Содержать общую армию и общий флот бесспорно выгоднее, чем содержать их отдельно. Вы спросите -- зачем Австралии армия или военный флот? Она защищена океаном. Но ведь и Англия, и Соединенные Штаты, и Япония защищены океаном, однако вооружаются с головы до ног. У Австралии не было врагов, пока не было государства, пока мирные колонисты работали из-за куска хлеба, доверившись защите Божией. Теперь они богаты, сильны, жадны, теперь они устроили себе молодое государство, задор которого растет по мере роста населения, -- совершенно, как в Северной Америке. Если же ввести в

органический план своей жизни вражду, то империя, несомненно, выгоднее автономии. Оградив свободу внутреннего управления, колонии непременно согласятся на федерацию, может быть, попросят ее. В крайнем случае Англия может выставить тот же решительный довод, какой заставил Италию войти в тройственный союз.

"Если не хотите войти в федерацию, будьте самостоятельными, но вам придется вооружаться против меня же". Безвредная, как член союза, могущественный защитник, -- вне федерации Англия превращается в самого страшного для морских стран врага. "Или соглашайтесь на нежные братские объятия, или теми же сильными руками вы будете задушены, как враги", Мне кажется, умные и еще весьма слабые народцы выберут первое из предложений. Но до этого не дойдет, центристские влечения, вероятно, предупредят борьбу центробежных сил.

Говоря об Англии, часто вспоминают Рим, распавшийся от слишком широкого захвата. Но это было совсем другое время и другие условия. Тогда не было иной, кроме конной, тяги и каботажного, очень жалкого мореплавания. Не было ни дорог, ни почт, ни телеграфов. Может быть, пятьдесят лет назад океаны составляли важное препятствие, -- но сравнивать время, когда нужно было от шести недель до трех месяцев, чтобы доплыть до Америки, с теперешним, когда пароходы ходят туда в четыре дня, -- никак нельзя. Быстрота, точность, обеспеченность морского плавания возросли невероятно, и расстояние между Англией и колониями сократилось вдесятеро. Винтовые суда ходят теперь со скоростью экспрессов, не боятся ни бурь, ни качки; море, бывшее некогда непроходимой пропастью, считается лучшим из путей, не требующим ни постройки, ни содержания, ни ремонта. Моря соединяют теперь те страны, которые разделяли, а подводные кабели и беспроволочный телеграф сделают сообщение по океанам более удобным, чем на материке.

Надо вспомнить и то, что присоединяемые к Риму народы были чужды ему и пылали ненавистью рабов всегда готовых к бунту. Английские же колонии основаны на начале широкой свободы. Господствующий класс в них -- кровные англичане, для которых истинною родиной, страной предков, навсегда останется *old merry England* (Старая добрая Англия (англ.)). Разве легко отказаться от тысячелетних преданий, от общей истории, общей славы? Разве легко для австралийца, канадца, капландца признать чужими себе короля Артура, и рыцарей Круглого Стола, или Ричарда Львиное Сердце, или героев Столетней войны, или отречься от тех имен, которые даже для образованных турок звучат как священные, от имен Ньютона, Бэкона, Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта, Фарадея, Дарвина? Как бы ни обмещанились колонии, как бы ни одолел их коммерческий материализм, все же роль английской расы в человечестве слишком огромна, чтобы отказаться от соучастия с нею. Народы имеют свои титулы, не высказываемые, но признаваемые всюду. Сложить с себя заслуженное, утвержденное временем, бесспорное знание великой исторической народности не хватит духу у молодых колонистов. Напротив, в качестве провинциалов, *parvenu es*

(Выскачки (фр.)) в общей семье, они могут принять ближе к сердцу эту сторону английского империализма. Уставшая от трудов и славы метрополия может воспринять именно от притока колониального джингоизма.

Скептики, столь долго пророчествующие о распадении Великобритании, обыкновенно ссылаются на Соединенные Штаты, отпавшие от Англии. Но это была чистая случайность, впоследствии не повторившаяся. Она была вызвана исключительной жестокостью тогдашней колониальной администрации и революционным духом той эпохи. Конечно, если бы Англия вернулась к своей безумной системе XVIII века, то она растеряла бы свои колонии, но ведь об этом нет и речи. Колонии до такой степени поставлены выгодно и независимо, до такой степени их достоинство ограждено, а права блюдятся ненарушимо, что не только английские, но и совсем чужие земли не прочь были бы вступить в подобную же федерацию с Англией. Поглядите, как покорно выносят английское владычество Египет, Кипр, даже несчастная Индия, где управление самими англичанами признается отвратительным. Если Соединенные Штаты отпали от Англии политически, то ни в малой степени не отпали культурно: они по-прежнему остаются во власти своей прежней метрополии в области языка, веры, культуры, науки и народного мирозерцания. Народилась даже заметная склонность к обратному воссоединению; уже есть громкие мечтатели, вроде Сесилия Родса, жертвующие десятки миллионов для этой цели. Пророчествуют о том, что сама Англия вступит в Соединенную империю как самостоятельный "штат". Присоединение Америки английскую "четверть земного шара" расширило бы в будущем до "половины".

Пусть все это сложится не сейчас и не так стройно, как подсказывает воображение, но ясно одно: мы накануне каких-то новых и важных исторических событий. Великобритания, захватившая в свой невод столько морей, берегов и островов, начинает потихоньку тащить добычу, начинает собираться, сосредоточиваться, кристаллизоваться в систему связную, неподвижную, как монолит. Как из испарений собираются облака, рассеянные силы английской нации собираются в тучу, которая дышит угрозой остальному человечеству.